

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.039
УДК 94(37) + 94(560.118) +
+ 94(100):325.111

А. С. Козлов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ФЕНОМЕН ДВУХ РИМОВ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Рец. на кн.: Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity / ed. L. Grig, G. Kelly. — Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 2012. — xv + 465 p. (Oxford Studies in Late Antiquity)

Рецензия раскрывает концептуальную и содержательную стороны сборника статей преимущественно англоязычных специалистов, анализирующих развитие Рима и Константинополя в IV–VI вв. Указана актуальность избираемой исследователями тематики в рамках заявленной сборником проблемы. Подчеркнута спорность решения вопросов, касающихся формирования инфраструктуры раннего Константинополя и развития исторической топографии позднеантичного Рима. Особое внимание обращено на статьи, по-новому раскрывающие социально-политические аспекты функционирования обеих столиц позднеантичного общества и их социальное влияние на консервацию структур, восходящих к классическому полису и западному «цивитас» как коллективам полноправных свободных граждан.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поздняя античность; Рим; Константинополь; проблемы урбанизма.

Рецензируемый сборник, вышедший под редакцией шотландских антиковедов *Л. Григ* и *Г. Келли*, посвящен теме отнюдь не новой, а именно — феномену позднеантичного бытия двух столиц, Рима и Константинополя. Книга состоит из семнадцати статей и поделена на пять сюжетных разделов с одним дополнительным очерком в качестве эпилога к разделу VI. Сами разделы скомпонованы так, чтобы типологизировать отдельные аспекты сравнительной истории развития двух мегаполисов, включая топографию и демографию этих городов,

© Козлов А. С., 2016

Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 210–216

посвященные им панегирики и демонстрацию «широкого диапазона дисциплинарных подходов» (р. V) к изучению урбанистских феноменов.

В первой статье первого раздела книги ее редакторы подчеркивают значимость феномена двух столичных мегаполисов для поздней античности и демонстрируют свою солидарность с коллегами, полагающими, что преобразование маленького Византия в Константинополь серьезно редуцировало первенство Рима (которое до тех пор сохранялось, хотя императоры реально там не жили уже больше столетия). Также нельзя не заметить, что хотя Григ и Келли не очень верят в правдоподобность описания Иоанном Лидом (*De mag.*, IV, 2) церемонии освящения Константинополя и роли в этом акте римского сенатора-язычника Веттия Претекстата (ср.: р. 10, п. 33), однако не отрицают и медленности поворота новой столицы к христианству в первые годы ее существования. Не может быть речи и о какой-то функциональной взаимодополняемости обоих имперских центров, ибо довольно скоро Константинополь стал политически конкурировать с Вечным городом и его тысячелетним сенатом. Наблюдения, как мы видим, не очень оригинальны, но в качестве зачина к дальнейшему содержанию сборника вполне адекватны.

Бросается в глаза, в связи с этим, другое. Эпилог к книге, написанный Э. Калделисом, развивает аргументацию (содержащуюся и в других его работах), которая отличается от взглядов редакторов сборника весьма интересной методикой ее приведения. (Я не думаю, что эти два подхода несовместимы, но они, конечно, стимулируют продолжение дискуссии). Если говорить кратко, то тезис Калделиса подразумевает, что перемещение на Восток имперского центра было одновременно и признаком, и упрочением глубинных процессов, протекавших на закате древности. Отсюда — в восточной части империи стала формироваться *римская идентичность*, ставшая базой для национального самосознания людей, позднее ошибочно представленных западными интеллектуалами как византийцы. Получается, что у нас нет никаких оснований сомневаться в самоидентификации позднеантичного Востока и его жителей как римлян, и возражение, что доминирующим языком там был греческий, а не латынь, отражает лишь модернистское представление о соотношении языка и статуса государственности. Бурно дискутируемое сегодня антиковедами «греческое культурное возрождение» II в. с этой точки зрения оказывается прелюдией к «агонии греческой идентичности» (р. 401). Полагаю, аргументация Калделиса отражает очень важную тенденцию в современной историографии античности и Средневековья. Возражая постулатам европейского модерна, представляющего (начиная с Э. Гиббона) Византию стагнационным и тупиковым путем цивилизации, современные историки начинают показывать, что процессы, формирующие в европейских землях средневековые институты и культуру нового типа, вполне прослеживаются и в Империи ромеев. Здесь Калделис вполне солидарен прежде всего с такими византинистами, как Э. Камерон, Л. Браунворт и их последователями (называю только англоязычных авторов).

В связи с этим замечу, что одна из оригинальных мыслей сборника — о том, что именно обеспечение Рима ресурсами провинций являлось важнейшим

фактором в формировании экономической интеграции Средиземноморья¹. Для византиниста принципиально важно продолжение этого тезиса — с IV в. аналогичное обеспечение Константинополя играло ту же роль для Восточного Средиземноморья. Такого рода выводы позволяют резюмировать, что связь экономики поздней античности с политической властью, сосредоточенной в подобных центрах и завязанной на специфических позднеантичных общественных отношениях, а также связанные с этим суперпараметры Рима и Константинополя оказываются взаимозависимыми сторонами для современной дискуссии о бесчисленном множестве явлений, вытекавших из указанных феноменов. Поэтому надо согласиться с тем, что понимание многих *meanings and significances* (смыслов и значений) Рима и Константинополя выводит на существенные вопросы поиска лучших интерпретаций явлений поздней античности. Поэтому почти все сюжеты рецензируемого сборника нацелены на четкую перспективу, которая предусматривает сосредоточение на конкретных моментах развития этих городов. При этом речь идет не столько о Риме и Константинополе как исторических данностях, сколько об анализе позднеантичных и раннесредневековых текстов, касающихся этих центров. Суть рецензируемой книги в основном заключается в интерпретациях, которые ориентированы прежде всего на внимательное прочтение источников, ибо объекты исследования слишком громадны, чтобы сосредотачиваться на них как таковых.

Несколько известных текстов, привлеченных специалистами, получают в сборнике новые толкования. Так, *Люси Григ* сосредоточила свое внимание отчасти на картографических, отчасти на нарративных описаниях двух Римов. Естественно, первое из известных позднеантичных визуально-картографических представлений о них — знаменитые Певтингеровы таблицы. Надо сказать откровенно — здесь анализ Григ далеко не столь глубок, нежели скрупулезные наблюдения, проведенные А. В. Подосиновым или Л. Босио. То же самое относится

¹ Что касается Рима, то соответствующие тезисы сборника прежде всего подчеркивают его экстраординарность в эпоху империи. Известно, что Рим стал первым городом-миллионником в истории, и численность его населения, скорее всего, оставалась устойчивой в течение трех столетий от Августа до Константина I. Отчасти эти цифры зависели от удачного расположения города. Много людей устремлялось в Рим в качестве беженцев уже в период гражданских войн Поздней республики, сюда переезжали разорявшиеся италийские земледельцы, а жаждавшие соответствовать столичному престижу собственники наполняли город своими свитами.

Весьма важно не так уж часто встречающееся наблюдение, что провинции уже тогда были способны обеспечивать этот демографический рост продовольствием и прочими ресурсами. Способствовал этому и географический фактор — равноудаленность Рима от большинства провинций и судоходность Тибра обеспечивали полноту и постоянство доставки средств для сносной жизни. С другой стороны, размеры территории и населения города во времена империи были возможны в силу конкретных обязанностей императоров перед ним. В течение ряда столетий только принцессы имели право распоряжаться изъятием зерна из провинций, его доставкой в порты Италии и распределением среди населения Рима. Крупные собственники, в том числе сенаторы, самостоятельно такую деятельность развернуть не могли. Иначе говоря, высокие урбанистские показатели города были во многом следствием политических решений, а не закономерностью развития экономики. В этой связи важно еще одно наблюдение — когда в IV в. население Рима сократилось (по сравнению с I–II вв.) наполовину, префект Симмах паниковал по поводу того, что император способен изменить своему слову относительно обязательств по поставке зерна.

и к анализу изображений этих городов на позднеантичной чеканке. Касается исследовательница и историографической ситуации с их топографией, причем в связи с изучением топографии имперских столиц иных регионов и иных эпох. Особое место уделено описанию Аммианом Марцеллином монументальных построек Рима, которые он видел в 357 г. Отражение схожих представлений о монументализме шотландский антиковед видит в таких своеобразных источниках как *Curiosum urbis Romae* (согласно которому в IV в. в 14 римских округах насчитывалось 46 290 инсул) и *Notitiae urbis* (фиксирующей 46 902 инсулы). Верно подмечено, что если в *Notitia*, касающейся Константинополя, наряду с жилыми зданиями перечисляются и церкви, то в *Notitia*, посвященной Риму, такого нет.

Б. Солвей предполагает, что основной целью путешественника, зафиксировавшего свой раут в «Бурдигальском итинерарии», был Константинополь, где он намеревался вести какие-то дела с Константином и его двором. Иначе говоря, желание путешественника попасть в Святую Землю было результатом посещения Константинополя, а Иерусалим, таким образом, не являлся изначальной целью маршрута.

Д. Вэндерспойл анализирует известную речь Фемистия, произнесенную перед Констанцием в Риме в 357 г. Акцент исследователя делается на том, что Фемистий был представителем посольства константинопольского сената и в заключительном разделе своей речи связал успехи императора с благоволением к новой столице. Поскольку подобная увязка могла расцениваться как выпад против Рима, то Вэндерспойл считает, что это место в речи реально озвучено не было.

Н. Маклин предполагает, что канон, принятый Константинопольским собором 381 г., не был предназначен для поддержания приоритета новой столицы. В этой связи, поскольку восточные прелаты никогда не признавали первенства Рима, то «предоставляя епископу Константинополя второе место после римского, они... не предоставляли ему ничего». Т. е., по Маклину, епископы на соборе 381 г. стремились сделать церковь Константинополя нейтральной, а не возвысить ее авторитет (р. 345–363).

Есть в рецензируемом сборнике и статьи, хотя и отличающиеся глубоким вниманием к исследуемым текстам, но отношение которых к заявленной редакторами теме, на мой взгляд, весьма косвенное. Так, например, *Э. Жиллет* сосредоточивает внимание на использовании Клавдианом в эпическом стиле стихотворных панегириков. По мнению австралийского специалиста, это приятно контрастировало с традиционными прозаическими панегириками, адресованными императорам или иным влиятельным лицам (типа Стилихона), ибо новый тип восхваляющей речи позволял, оказывая почтение к адресату, обращаться и к аудитории. *Д. Кьюрран* подробно разбирает значение и важность литературных приемов, применяемых поэтессой Пробой в IV в. в работе над «вергилиевыми» материалами и темами, — приемов, в известной степени отражавших, по мнению исследователя, специфические пути приобщения римской элиты к христианским ценностям, а именно — через использование языческих литературных моделей.

В какой-то мере к подобным статьям примыкает и рассмотрение *П. Ван Ньюфеленом* участия императоров в константинопольских публичных церемониях, выходящих за пределы традиционных «выходов», — тема с ярко выраженным социально-политическим и культурно-цивилизационным зарядом. Бельгийский исследователь не разделяет мнения тех специалистов, которые видят в них обычные проявления позитивных аккламаций. Один из его оригинальных приемов — сравнение подобных церемоний со схожими церковными ритуалами и местом в них высшего духовенства V — начала VI в. Другой прием — поиск схожих элементов в публичных цирковых «зрелищах» в самом широком смысле, от конфликтов партий и кровавых игр до состязаний колесниц, ораторов, и т. д. Иными словами, античная агональная культура имела место и в это время, находя яркое выражение именно в столицах.

Совсем иной ракурс подхода к теме «двух Римов» избран в статьях, посвященных урбанистской топографии. *Д. Мэтьюз* дает обширный комментарий и перевод официальной описи построек Константинополя (*Forma urbis*, она же *Notitia urbis Constantinopolitanae*), датируемой началом V в. (р. 81–115). Поскольку эта опись в известной степени была схожа с региональными списками построек позднеантичного Рима, то возможно прямое сравнение физической топографии обоих городов. Вывод Мэтьюза по сути подхватывает известный английский археолог *Б. Уорд-Перкинс*, подчеркнувший, что монументальное строительство, возможно, отразило противостояние траекторий развития двух столиц. Сохранившиеся остатки римских церквей V в. позволяют предполагать, что эти здания, возможно, были крупнее аналогичных строений Константинополя, но их мраморные колонны и капители почти все были взяты из построек классической империи. Напротив, для сооружения церквей Восточного Рима использовался недавно добытый мрамор, обработанный в технологиях и художественных стилях поздней античности.

Особая группа изысканий анализирует инфраструктуру городов. Исследование *Джеймсом Кроу* водоснабжения Константинополя — увлекательный расчет уровней уязвимости новой столицы. В городе, который был «чуть ли не островом» пресная вода являлась дефицитом. Акведук, законченный императором Валентом, дал воду новым районам города, созданным в пределах стен Константина. Но поскольку эти районы располагались выше кварталов старого Византия, то любое последующее разрушение водоснабжения прежде всего затрагивало новые цистерны и ванны. Например, в 626 г. авары разрушили часть акведука Валента, и Константинополь устоял лишь благодаря большим внутригородским запасам воды.

Совсем иной предмет исследования у *Карлоса Мачадо* — столичные постройки, принадлежавшие аристократам. Интересен сам концепт его статьи (ибо приводимая фактология хорошо известна) — если городское пространство Константинополя формировалось при императорском патронаже, то в позднеантичном Риме бывшие общественные здания, вместе со статуями, фресками и мозаиками, а также целые кварталы и общественное водоснабжение во многом

зависели от средств частных лиц, зачастую приспособляющих топографию отдельных районов под собственные вкусы и нужды. Мачадо приводит примеры мультижилых зданий, преобразованных в аристократические усадьбы. Уже в начале своей статьи он высказывает предположение, что подобная тенденция свидетельствует об ухудшении демографической ситуации в Риме. Такого рода наблюдения Мачадо заслуживают пристального внимания специалистов, занимающихся параметрами генезиса раннесредневековых структур, ибо, например, по оценкам Жана Дюрлиа, явно заниженным, население города в течение IV в. сократилось до 500 тыс. человек.

Рассмотрение более долгосрочных демографических тенденций подчеркивает ряд интереснейших особенностей позднеантичного урбанизма. Рассматривая обстоятельства пребывания в Риме Валентиниана III (в течение десятилетия до его смерти в 455 г.), М. Хэмфрис обращает внимание прежде всего на то, что епископ Лев нуждался в поддержке императора для обретения папского достоинства. Параллельно, для демонстрации своей власти, император реставрировал чисто языческий монумент — Колизей. Впоследствии его примеру следовали Одоакр и Теодорих Великий. Это тем более примечательно, что к началу VI в. население Рима сократилось, скорее всего, до 60 тыс. человек и было вполне способно разместиться в этом цирке.

Демографический коллапс Рима затрагивает и Ф. Блодо, анализирующий религиозную политику ряда епископов крупных городов — в том числе Александрии, Рима и Константинополя последней трети V — начала VI в. Известно, что хотя первосвященники Рима и настаивали на своем приоритете, но Рим тогда уже охватывал своими кварталами $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ той площади, что имела Александрия, и, возможно, $\frac{1}{10}$ той, что имел Константинополь. Подобные диспропорции явно работают на выводы Блодо, касающиеся несоответствия между папской идеологией и реалиями социальной и политической обстановки раннего Средневековья.

Представляется, что практически все наблюдения, сделанные в статьях сборника, должны учитываться при исследовании более масштабных тем, касающихся не только позднеантичного и раннесредневекового урбанизма, но и судеб крупных городов нового времени. Так, например, параллели к идеям книги, отредактированной Л. Григ и Г. Келли, а также дополняющие ее оригинальные идеи, можно обнаружить в коллективной монографии 2003 г. «Rome the Cosmopolis» (ред. К. Эдвардс и Г. Вулф). Например, ряд разделов этой книги анализирует высокую смертность среди римлян раннего Нового времени из-за сугубо местных болезней, что, по мнению авторов, порождало необходимость перманентной иммиграции, так как города Нового времени могли поддерживать свою инфраструктуру и функции, только «импортируя» новых жителей.

Такого рода исследования диктуют необходимость статистического моделирования урбанистских ситуаций и дополнения ими осторожного сравнительно-исторического анализа. Во «Введении» к рецензируемому сборнику дан, к сожалению, лишь краткий обзор современной библиографии феномена «двух Римов», преимущественно IV–VI вв., но одновременно здесь подчеркивается,

что при рассмотрении прежде всего реалий экономики, культуры, демографии и религии в рамках объектов исследования не следует забывать о наличии в феноменах столиц не только статистической составляющей. Рим и Константинополь также были прочнейше вплетены в систему власти. Отсюда, с одной стороны, мегаполисам того времени периферия была жизненно необходима для извлечения из нее ресурсов, потребляемых городом, являющимся одновременно политическим гегемоном. С другой стороны, сам властный механизм извлечения и, главное, распределения этих ресурсов работал на принципы сохранения империи. Иначе говоря, наличие таких мегаполисов — историческая необходимость для существования империй. Полагаю, это один из основных и наиболее перспективных (для дальнейших исследований данной темы) выводов сборника.

Rome the Cosmopolis / ed. C. Edwards, G. Woolf. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003.

Рецензия поступила в редакцию 29.02.2016 г.

Козлов Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: alarich@olympus.ru

Kozlov, Aleksandr Sergeevich

PhD (History), associate professor,
Chair of the History of the Ancient World
and Middle Ages
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: alarich@olympus.ru

THE PHENOMENON OF TWO ROMES IN LATE ANTIQUITY

Review of Grig, L., & Kelly, G. (Eds). (2012). Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity. Oxford Studies in Late Antiquity. Oxford; New York: Oxford University Press. xv + 465 p.

The review describes the conceptual and content side of the collection of articles, mainly authored by English-speaking specialists that focus on the development of Rome and Constantinople between the 4th and the 6th century. The reviewer emphasizes the topicality of the collection as related to the subject of research. He also points out the arguable nature of issues that have to do the infrastructure formation of early Constantinople and the development of historical typography of Rome in late antiquity. Special attention is paid to the articles that have a new interpretation of the social and political aspects of the two capitals of the late antique society and their social influence on the conservation of structures originating from the classical polis and the western *civitas* as societies of free citizens enjoying full rights.

K e y w o r d s: late antiquity; Rome; Constantinople; urbanism issues.

Edwards, C., & Woolf, G. (Eds.). (2003). *Rome the Cosmopolis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Received 29 February 2016